

Н.И. Платонова

Годы репрессий в жизни С.И. Руденко: сравнительный анализ архивных источников

Фигура С.И. Руденко – ученого-энциклопедиста, выдающегося организатора науки – привлекла к себе внимание сразу, когда во второй половине 1980-х гг. в СССР открылся широкий доступ в архивы. Особый интерес к жизни и деятельности С.И. Руденко проявился в Санкт-Петербурге, где ученый проработал почти всю жизнь, а также в Башкортостане и Сибири, где он вел многолетние экспедиционные исследования [1, с. 105–113].

В течение последнего десятилетия одним из главных центров изучения научного наследия С.И. Руденко стал Барнаул, где ныне хранится архив В.М. Сунцовой – свояченицы ученого, ставшей на многие годы его другом, сотрудником, составителем первого списка его трудов. В 2004 г. основные результаты проведенных исследований нашли отражение в тематическом сборнике, изданном АлтГУ [2]. Помимо серии статей о С.И. Руденко, принадлежащих перу ученых Сибири, Санкт-Петербурга, Дальнего Востока и т.д., эта книга включает наиболее полный на данный момент список трудов ученого и список публикаций о его жизни и деятельности. Здесь же впервые увидели свет материалы следственного дела С.И. Руденко (1930 г.). Два года спустя в АлтГУ была защищена кандидатская диссертация О.Г. Шмидт, где подробно освещается археологическая деятельность ученого в Северной Евразии [3].

Недостаточная информация об изданиях по истории науки 1990–2000-х гг. (в основном малотиражных), прекращение их рассылки по библиотекам и т.д., к сожалению, привели к тому, что в упомянутом сборнике 2004 г. оказались неучтенными публикации автора этих строк [4, с. 147–151; 5, с. 361–366; 6, с. 367–373]. В 1990–2000-х гг. мне довелось работать с научно-биографическими материалами С.И. Руденко в различных архивных хранилищах Санкт-Петербурга, включая ПФА РАН, Рукописный архив ИИМК РАН, архив РЭМ и архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Одним из итогов этой работы стала возможность рассмотреть события, связанные с арестом С.И. Руденко, в различных ракурсах, отталкиваясь при этом от различных по характеру источников.

К числу таковых относятся: а) следственное дело; б) материалы дискуссии о «руденковщине» в Этнографическом отделе Русского музея (и примыкающие к ним выступления в печати против С.И. Руденко); в) рукопись воспоминаний С.И. Руденко о периоде

1929–1941 гг.; г) переписка С.И. Руденко с женой Ниной Михайловной. Информация, которую несут все эти источники, несколько различается между собой. Каждый документ создавался в определенное время, под влиянием определенных обстоятельств. Каждый отражает свой взгляд, свой ракурс в оценке событий. Первая попытка совокупного рассмотрения этих материалов была предпринята мной в 2004 г. [7, с. 126–138]. В настоящий момент, когда следственное дело С.И. Руденко частично опубликовано (но пока без научных комментариев), тем более интересно проанализировать его в контексте сопутствующих материалов, пока еще мало известных специалистам.

Арест С.И. Руденко в августе 1930 г. вряд ли стал для кого-то полной неожиданностью. Яростная травля С.И. Руденко в ЛГУ, а потом в АН СССР началась за полтора года до этого. Однако последствия и общественный резонанс его ареста оказались весьма серьезными. В эпоху перевода науки «на марксистские рельсы» (1930–1934 гг.) в СССР было репрессировано немало выдающихся ученых. Но именно С.И. Руденко превратили в печати в своеобразный фетиш «буржуазной науки», создав из него идеальное воплощение врага. Почему?

К концу 1920-х гг. именно в руках С.И. Руденко оказались сосредоточены многие нити управления наукой в Ленинграде. Его постепенное выдвижение «на командные позиции» происходило как будто само собой, без всякого «заигрывания с властями». Скорее, наоборот: Руденко был остер на язык и даже чересчур откровенен в своих воззрениях. Так, в его письмах (с описанием Тюркологического съезда 1926 г.) к жене «большевики» представлены в ироническом свете [8, л. 1–4]. Не более осторожен он был и в публичных высказываниях. «Марксизм не может быть увязан с наукой. Дух марксизма и дух антропологии несовместимы, и поэтому студентам – убежденным марксистам – я советую перейти на другое отделение...» – эти слова С.И. Руденко, в ту пору заведующего антропологическим отделением географического факультета ЛГУ, в 1929 г. попали на страницы газеты «Студенческая правда» [9, с. 4]. Но, как ни странно, подобные выходки не помешали С.И. Руденко стать одной из самых влиятельных фигур в ленинградских научных структурах 1920-х гг. и оставаться ею до самого августа 1930 г., когда он был арестован.

В архиве РЭМ сохранились весьма поучительные материалы о преодолении последствий «руденковщи-

ны». Дискуссия на эту тему проводилась в Русском музее в 1931–1932 гг., уже после осуждения бывшего руководителя этнографического отдела. Проект резолюции по дискуссии содержит очень красочную характеристику С.И. Руденко. Этот документ помогает уяснить сполна, насколько масштабную фигуру видели в нем его противники.

«С именем Руденко *связана целая эпоха* (курсив мой. – Н.П.) в деятельности ленинградских антропологов, археологов, этнографов и музееведов, охватывающая десятилетие 1920-х гг., – гласит этот документ. – ...Занимая крупные административные должности в научных учреждениях, располагая громадными денежными средствами и обладая возможностью выпускать в свет много изданий через издательство Академии наук, свободное от политконтроля со стороны Облита, Руденко использовал все преимущества этого положения для того, чтобы в своей научной и общественной деятельности проводить в жизнь реакционную идеологию, носителем которой он являлся. В течение всего десятилетия 1920-х гг. положение было таково, что в издательствах АН, Русского музея, РГО и некоторых других учреждений нельзя было печатать ничего, что шло бы вразрез с той идеологией и теми методами, носителем которых являлся Руденко. В его руках находилось формирование кадров научных сотрудников этнографического отдела Русского музея, КИПС, целого ряда больших академических экспедиций, а также научная подготовка молодежи в лице студентов антропологического отделения (географического факультета. – Н.П.) Ленинградского университета...» [10, л. 6].

Как видим, деятельность С.И. Руденко как организатора науки 1920-х гг. очерчена здесь широкими мазками. Нет и речи об ее недооценке, хотя в данном случае это высокая оценка со знаком минус. Замечу, что указанная сторона жизни и творчества ученого оказалась в дальнейшем надолго забыта. Коллеги, общавшиеся с С.И. Руденко уже после его возвращения в археологию в 1942 г., в дальнейшем вспоминали о нем как о крупном ученом, начальнике экспедиций, создателе лаборатории археологической технологии ЛОИИМК. Но мало кто помнил о масштабах, о размахе его деятельности в 1920-х гг.

При обращении к документам, связанным с делом С.И. Руденко, естественно, возникает желание понять: в чем же, собственно, его обвиняли? Как уже говорилось выше, в распоряжении исследователя имеется целая серия различных по характеру источников. И резолюция по дискуссии о «руденковщине», и все образчики «марксистской критики» уже арестованного ученого [11, с. 167–169; 12, с. 22–27; 13, с. 113–120; и др.] – это, так сказать, официальная точка зрения его идейных противников. Здесь С.И. Руденко предстает фигурой вполне харизматической – таким образом буржуазного ученого, непримиримого врага советской власти и советской науки.

Молодые марксисты из ГАИМК, задавшие тон упомянутой «дискуссии» (А.Н. Бернштам, Е.Ю. Кричевский, М.Г. Худяков и др.), скорее всего, не имели ни малейшего представления ни о действительном ходе следствия по делу, ни о характере обвинений, предъявленных Руденко, ни, тем паче, об обстановке, которая окружала его потом на Беломоро-Балтийском канале. В полном соответствии с новыми веяниями они подвели марксистскую базу под уже свершившийся факт «изъятия человека из оборота» (ходкое выражение тех лет!). Заодно выявлялась полная обоснованность и необходимость такого «изъятия». Кстати, в следственном деле ни один из этих «критиков» не упомянут. Ни Е.Ю. Кричевский, ни М.Г. Худяков, ни, тем более, А.Н. Бернштам, только в 1931 г. окончивший ЛИФЛИ, не имели непосредственных сношений по работе с С.И. Руденко накануне ареста.

«Руденко оказался во время гражданской войны в стане белых, у Колчака, – читаем мы в проекте резолюции по «дискуссии». – После ликвидации Колчака Руденко возвратился в Ленинград, искусно воспользовался обстановкой для захвата всех командных позиций в научных учреждениях и немедленно приступил к организации группы своих единомышленников. Опираясь на представителей буржуазной интеллигенции, Руденко сформировал кадры научных работников, формально прикрывшихся лозунгами «аполитичности» и «нейтральности», но по существу... составивших один из участков внутренней эмиграции...» [10, л. 7].

Перечень всех прегрешений указанной группы, приводимый в резолюции, занял бы здесь чересчур много места. «Руденковцам» ставились в вину «кастовая замкнутость», «полнейшая отчужденность от рабочего класса», а также «деспотический зажим, эксплуатация младших сотрудников старшими».

Стоит отметить, что в 1929–1930 гг. во всех научных учреждениях Ленинграда имел место приток новых кадров, той по-марксистски образованной молодежи, которой, по замыслу властей, надлежало стать «могильщиками» старой науки. Жесткий стиль руководства С.И. Руденко по отношению к этой группе сотрудников не подлежит никакому сомнению. Поэтому нетрудно понять, в каких кругах зрело недовольство, откуда шла «информация» об эксплуатации молодежи, неравенстве и «бытовом гниении» в этнографическом отделе.

Но главный пафос нападков на С.И. Руденко со стороны нового руководства Русского музея заключался, конечно, не в этих мелочах. Разумеется, все сплетни – такие, к примеру, как «ежегодное устройство пьяных попок в стенах Этнографического отдела», – были тщательно собраны. Однако главная тяжесть обвинений приходилась не на них. Деньги, огромные средства, которыми распоряжался С.И. Руденко во второй половине 1920-х, – вот что, по-видимому,

не давало покоя тем, кто сменил его на руководящих постах в эпоху «Великого перелома». «Срывание денег с республик» на комплексные исследования их территорий (т.е. на дело, абсолютно не нужное с точки зрения нового руководства!) – вот что было прямо квалифицировано в проекте резолюции как «одна из форм вредительской работы».

«Получивши (так в подлиннике! – Н.П.) с 1925 г. возможность значительно расширить свою экспедиционную деятельность, – гласит этот документ, – Руденко вместе с тем расширил свои финансовые операции, которые приобрели характер рвачества... К концу 1920-х годов Руденко определенно проявил себя в качестве классового врага и вступил на путь вредительства, который привел его к аресту органами ОГПУ и к ликвидации его научной работы в ленинградских учреждениях» [10, л. 7–7об.].

Такова была официальная версия, распространившаяся по всем ленинградским учреждениям археолого-этнографического профиля. От недавних сотрудников и друзей С.И. Руденко, работавших с ним в Русском музее, жестко потребовали безоговорочного согласия с ней и публичного отречения от Руденко. В конечном счете, отречение вырывалось у каждого – у кого сразу, у кого через год. Лишь Ф.А. Фиельструп и Н.И. Гаген-Торн твердо отказались отмежеваться и стояли на том до конца. Уже в лагерях, в 1932 г., С.И. Руденко обронил в письме горькую фразу об одном из своих бывших сотрудников: «...Я доволен, что... в дальнейшем с ним, быть может, более не встречусь. *Неплохо все-таки время от времени менять среду и людей...*» (курсив мой. – Н.П.) [14, л. 91об.–92]. Если задуматься, здесь звучит неподдельное презрение ко всему роду человеческому.

Удивительно, но во всех многословных нападках и обвинениях, сыпавшихся на С.И. Руденко во время «дискуссии», нет ни слова о его предполагаемой принадлежности к «Платоновской организации», к «Академическому делу»! Хотя именно по этому делу он был арестован и осужден. Характерно и другое: в дискуссии совершенно проигнорированы реальные противоречия между С.И. Руденко и рядом его коллег накануне ареста. Возможно, новому руководству музея бывшие «руденковцы» представлялись единым целым. Но вряд ли это соответствовало истине. Слишком много было среди них ярких дарований, слишком жестким, властным характером наделила природа самого С.И. Руденко, чтобы все обходилось гладко. В 1929 г. именно разногласия с коллегами (П.П. Ефименко и Д.А. Золотаревым) фактически дали повод к началу кампании против С.И. Руденко на географическом факультете. В своих показаниях, данных на следствии, он заявляет об этом прямо: «травля в университете, несправедливая и недостойная» была вызвана «карьеризмом известных мне лиц...» [15, л. 348об.].

Обратимся теперь к материалам следственного дела. При первом же взгляде на них выясняется

следующее: *следствие мало интересовало обстоятельства работы С.И. Руденко вне Академии наук.* Ни об этнографическом отделе Русского музея, ни об университете его, по сути, никто не спрашивал. Зато работа в Академии, в различных ее комиссиях, таких как КИПС (Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран), Башкирская комиссия, Казакстанская комиссия, ОКИСАР (Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик), в дальнейшем преобразованный в КЭИ (Комиссия по экспедиционным исследованиям), и т.д. – все это являлось предметом пристального внимания. Показания С.И. Руденко на этот счет весьма интересны. Их можно квалифицировать как своеобразный «отчет о работе», составленный в экстремальных условиях. Но не будем забегать вперед.

С.И. Руденко был арестован в Башкирии, в экспедиции, летом 1930 г.

«5 августа 1930 года во время заседания с членами правительства в Уфе меня вызвали с заседания... сообщили, что я арестован, и предложили следовать за собой. Поместили в полуподвальном этаже милицкого участка, в маленькой комнатке... Как потом выяснилось, арест был произведен по распоряжению из Ленинграда. Дня через 3 меня с сопровождающим отправили в Ленинград...» [16, л. 31].

Так пишет Руденко. В следственном деле содержится и иные подробности. Арест, действительно, последовал по распоряжению из Ленинграда, по телеграмме ПП ОГПУ по Ленинградскому военному округу. Примечательно: телеграмма эта была отправлена почти *за месяц до ареста С.И. Руденко* – 12 июля. При обыске в гостинице «Астория» у него были изъяты несколько вещей (в том числе револьвер «Смит и Вессон») и служебная переписка на 4 полулистах. «Характерно то обстоятельство, – специально отмечено в протоколе, – что, за исключением указанной переписки, у Руденко С.И. не обнаружено абсолютно никакой, хотя бы и деловой переписки, каковая, несомненно, должна у него быть» [15, л. 331]. Остается предположить, что С.И. Руденко ожидал ареста и подготовился к нему заранее. Если так, то первое столкновение его с «органами» окончилось маленькой, но несомненной победой.

В Ленинграде его поместили в ДПЗ на Шпалерной, в одиночку. В документах указано имя следователя, который вел дело, – уполномоченный 2-го отделения Следственного отдела ПП ОГПУ в Ленинградском военном округе А.М. Алексеев. Характерно, что протоколы допросов, как таковых, в деле отсутствуют. Имеются лишь собственноручные или записанные со слов показания, часть которых, по-видимому, писалась подследственным в камере, «на досуге». Аналогичная картина встречалась мне и при изучении других дел в архиве УФСБ. Отсутствие протоколов в целом весьма характерно для 1930-х гг., поскольку

главной задачей следствия по «политическим» делам было не выяснение обстоятельств, а сочинение нужной легенды.

О том, как в действительности проходили допросы, известно со слов самого С.И. Руденко:

«...Со следователем у меня, в общей сложности, было 32 свидания. Все они происходили поздно вечером, в одно и то же время...

Мой следователь был лет тридцати пяти, поляк, вполне культурный человек, орденоседец (у него был, как будто, орден Трудового Красного знамени). Во время допроса он был всегда вежлив и только один раз ударил по столу кулаком и воскликнул: «Когда же я, наконец, добьюсь от вас признания?!» На это я ему ответил: «Если вы так будете со мной разговаривать, то я вообще не буду с вами говорить». Больше никаких угроз не было.

От следователя я узнал, что он ведет следствие по делу академика С.Ф. Платонова, [Е.В.] Тарле и [Н.П.] Лихачева и желает от меня знать, что я знаю по этому делу и какое мое участие в их организации? Когда я ему отвечал, что я впервые от него узнал о такой организации и как бы я мог принадлежать к ней, не зная ничего о ней, он мне отвечал, что «это возможно, но члены этой организации считали вас своим и рассчитывали привлечь вас в нужный момент».

От него я узнал, что арестованы [Н.П.] Сычев и проф. [М.Д.] Приселков... Обычно после их допроса он рассказывал мне, как они себя держали... С.Ф. Платонов заявил ему после длительной беседы, что «не вам, большевикам, придется писать историю».

Из беседы со следователем у меня составилось представление, что вся платоновская организация состояла только в том, что за чашкой чая у Платонова или Тарле были догадки о том, что «после возможного переворота кто возглавит государство?..» – и интересовались мнением по этому поводу Платонова, который был преподавателем великих князей. Я, разумеется, интересовался тем, о чем рассказывал мне следователь, и во время таких бесед он нередко ставил вопрос, кто же ведет допрос, он или я?

Когда я неоднократно и решительно отрицал свою принадлежность к платоновской организации, следователь объяснял мне, что он ведет следствие по этому делу, и ему проще всего привлечь меня по этому именно делу. Но если я хочу, он может привлечь меня по любой другой статье и выделит для меня особое дело. Но результат, – говорил он, – будет один и тот же. На мой вопрос, почему следователь должен обязательно доказать, что подследственный виновен... если факты и его совесть подсказывают ему, что подследственный невинен – почему он этого не доказывает? – получил ответ: «У нас установка: лучше семерых невинных осудить, нежели одного виновного оправдать».

Между прочим, ... следователь показал мне документ, подписанный [А.Е.] Ферсманом, в котором

он в начале революции писал, что в такие трудные времена надо заботиться не о рабочих, которым, по существу, грош цена, а об ученых, о людях умственного труда, от которых зависит будущее страны. При этом он добавил, что «Ферсмана мы хорошо знаем, он весь на виду и несет «золотые яйца», а вот [С.Ф.] Ольденбург – это другой человек, хитрый и ловкий, с ним нам труднее».

...Общее впечатление от следователя у меня получилось хорошее. Неплохое, по-видимому, представление составилось и у него обо мне. В этом я убедился, уже попав в лагерь...» [16, л. 31–33].

Этот рассказ нуждается в некотором комментарии. Следствие по «делу» С.И. Руденко продолжалось шесть месяцев, и все это время он провел в одиночке. Тем не менее никаких «деклараций» с признанием вины он так и не написал и не подписал, ни на какие серьезные компромиссы со следствием не пошел. Подобный оборот дела был для тех времен далеко не тривиален. Само пребывание в одиночке в течение многих месяцев, уверения в неотвратимости сурового приговора, угрозы, сознание того, что к прежней жизни, к науке возврата нет – все это вместе представляло собой достаточно жестокую нравственную пытку. Большинство осужденных по Академическому делу, в конечном счете, оказались сломлены, подписали возведенные на них нелепые обвинения. Вероятно, те «приятельские» отношения, которые сложились у С.И. Руденко с его следователем, имеют лишь одно логичное объяснение. А.М. Алексеев попросту понимал бесполезность излишнего нажима на *этого* подследственного. Поведение С.И. Руденко с самого начала обличало в нем сильный, незаурядный характер. Ему было что терять в этой жизни – и, может быть, больше, чем многим его коллегам. Но после первых же неудачных попыток нащупать в нем «слабину» следователь махнул рукой. Можно сказать: они поняли друг друга.

Впрочем, нет полной уверенности, что на всех этапах следствия взаимоотношения между ними развивались столь идиллически. В статье А.А. Тишкина и О.Г. Шмидт, посвященной периоду репрессий в жизни С.И. Руденко, содержится замечание: «...судя по почерку, а особенно, по личным подписям (размытость и нечеткость), протоколы составлялись и оформлялись в несколько этапов, а визировались уже обессилевшим человеком. Не исключено, что в ходе дела Сергей Иванович был подвергнут различным истязаниям. Процедура ломки личности ученого началась с момента обыска и ареста» [17, с. 22].

У нас нет оснований не верить самому С.И. Руденко, прямо заявившему, что никаких пыток к нему не применялось. Но не следует думать, что ночные допросы (особенно, если они шли подряд) были легким испытанием для человека, который, по тюремному распорядку, не имел права спать днем. Во всяком слу-

чае в ходе работы со следственным делом С.И. Руденко в архиве УФСБ мне в ряде случаев тоже бросились в глаза характерные особенности почерков, отмеченные моими коллегами. Возможно, уже упомянутые черты характера С.И. Руденко не позволяли ему даже спустя много лет в своих мемуарах предаваться жалобам или описывать свою собственную минутную слабость. В конечном счете, он с честью вышел из всех испытаний. Однако в деле имеется один документ, подписанный им. В нем С.И. Руденко признает, что все его ближайшие сотрудники либо имели «небезупречное» социальное происхождение, либо в разное время учились или работали при белых [15, л. 355об.]. Протокол этот ныне опубликован [2, с. 129–130]. Никаких иных подробностей, «порочащих» перечисленных людей с точки зрения советской власти, в показаниях С.И. Руденко не содержится.

Видимо, в данном случае на подследственном был опробован распространенный трюк, со знанием дела описанный в романе Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей». Приведу вкратце этот рассказ очевидца:

«После очень корректного и неторопливого анкетного разговора следователь... сказал: «А теперь назовите всех ваших знакомых». ... «То есть как всех?» – «Да вот так, всех. А что, у вас их так много?» И стал я называть – назвал сослуживцев, это легче легкого, потом соседей, тоже несложно, а потом дошло до товарищей по учебе... И сейчас... вопросы: где познакомились? Часто ли встречались? Где? Когда? Кто еще присутствовал? Как я все это сообразил, так у меня дыхание и сперло... Ни беса лысого они не знали. Просто на пушку брали. Есть у них такие штучки для слабонервных...» [18, с. 166–167].

С.И. Руденко отнюдь не был «слабонервным». Но, вероятно, однажды, обессилев от бессонницы, он попал в ту же ловушку, что и герой романа Ю. Домбровского. Именно этот протокол с перечислением сослуживцев и коллег имеет нечеткую, не характерную для него подпись. Но так или иначе сломить С.И. Руденко не удалось. Материалы дела свидетельствуют: больше он ни разу не совершал подобной ошибки.

«Приятельские» отношения С.И. Руденко с А.М. Алексеевым никак не сказались на характере обвинения и приговора. Впрочем, по приведенному выше свидетельству самого С.И. Руденко, следователь его не обманывал, не обещал облегчить его участь. Постановление по делу гласило:

«1931 г., февраля месяца, дня 7, я, уполномоченный 2 отделения СО ПП ОГПУ в ЛВО Алексеев А.М., допросив гр. Руденко Сергея Ивановича и рассмотрев следственный материал на него, по коему гр. Руденко С.И. достаточно изобличен в том, что он состоял членом контрреволюционной организации, возглавляемой акад. Платоновым и ставившей своей целью свержение Советской власти и восстановление

монархического строя, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 58-11 УК, руководствуясь ст. 128 УПК, постановил: привлечь гр. Руденко С.И. в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение в вышеозначенном преступлении...» [15, л. 359–359об.].

«В первых числах февраля меня со Шпалерной перевели в Кресты, – пишет в своих воспоминаниях С.И. Руденко. – Очевидно, приговор уже состоялся и следует ожидать только его объявления. ...Около часа ночи нас разбудили и предложили мне подписать приговор чрезвычайной тройки. В нем значилось, что я приговорен к 10 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях с конфискацией имущества. От подписи я отказался, так как: «Это не серьезно». Все же охранники, которые принесли мне приговор, сказали, что они здесь ни при чем... Я подписал. Все было закончено. Я лег на постель и снова заснул... Мои сокамерники до следующего дня не спали, думали о том, какой приговор ждет их?...» [16, л. 33].

Таково было достойное завершение его тюремной эпопеи. Но прежде чем отложить в сторону материалы следственного дела, стоит еще раз внимательно вчитаться в некоторые страницы показаний С.И. Руденко. Эти показания, как уже говорилось, более всего подходят на отчет о работе, составленный, кстати, с безупречным достоинством. Почти все они сделаны еще в первый месяц следствия – в конце августа 1930 г. Для биографа С.И. Руденко эти документы (ныне опубликованные) представляют очень большой интерес, ибо помогают понять ту действительную роль, которую выпало ему играть в научных структурах Ленинграда в первое послереволюционное десятилетие.

На основе этих показаний можно восстановить целый ряд подробностей его трудовой и научной биографии, которые в настоящее время оказались забыты или утрачены. Работа Сергея Ивановича в Академии наук началась еще до революции, в 1917 г., когда он, будучи председателем Русского Антропологического общества при Санкт-Петербургском университете, вошел в КИПС как один из ее членов. В дальнейшем ему пришлось в разное время исполнять обязанности члена и ученого секретаря КИПС, заместителя председателя ОКИСАР, товарища председателя Казакстанской комиссии и, наконец, председателя Башкирской комиссии. Кроме того, С.И. Руденко участвовал в работах Монгольской и Четвертичной комиссий, а также Комиссии по истории знаний. Он же являлся секретарем секции «Человек» в Ленинградском совещании Бюро Совета съездов Госплана.

Учитывая, что академики – председатели комиссий – как правило, бывали перегружены организационной и представительской работой во многих других местах, нередко подолгу находились в командировках и т.д., становится понятным, почему враги С.И. Руденко обвиняли его в «захвате командных позиций». Руденко принадлежал к тому типу «заместителей»,

которые на поверку оказываются душой всего дела. Работая в КИПС, он создал при ней картографический отдел, причем вся работа этого отдела многие годы шла исключительно под его руководством. Именно ему на практике выпало заниматься разработкой методов учета материалов Всесоюзных переписей населения и методики составления этнографических карт (об этом С.И. Руденко, совместно с С.Ф. Ольденбургом, делал доклад на большой коллегии Наркомюста). После смерти Л.Б. Штернберга ему пришлось взять на себя огромную работу по редактированию этнографической карты Сибири и ее дальнейшее издание. Он же занимался организацией крупнейших экспедиций 1920-х гг. – Забайкальской, Алтайской, Казакстанской и Башкирской, финансируемых различными наркоматами этих республик (это и было «срыванием денег» во вредительских целях!).

«План комплексного исследования Башкирии, предложенный правительством последней и принятый Академией, – читаем мы в показаниях С.И. Руденко, – определил задачи и масштаб работ Антропологического отряда. По первоначальному плану, по которому и были проведены работы первого лета, предполагались исследования не только специально антропологические, но и археологические, этнографические и лингвистические...

С образованием Башкирской комиссии... я был утвержден общим собранием Академии председателем названной комиссии. Какие мотивы побудили меня принять это назначение? – Прежде всего, я хорошо знал эту страну. До 1916 г. я пересек ее маршрутами в разных направлениях, изучая ее население. В 1916 и 1917 гг. я работал в Почвенной экспедиции Оренбургского земства... Я руководил работами по инструментальной и бариметрической нивелировке и сетью метеорологических станций и составлял гипсометрические карты для почвоведов и геоботаников. Мои работы при подготовке к магистерским экзаменам у проф. [А.М.] Воейкова, [А.А.] Иностранцева и [П.И.] Броунова, а затем в течение 2 лет специальные занятия по общему землеведению в связи с читаемым мной в Томском университете курсом физической географии давали мне возможность разбираться в элементах ландшафта. Помимо научной заинтересованности в работах Антропологического отряда, меня привлекала конечная задача комплексного исследования Башкирии, ее естественно-историческое районирование.

По мере развертывания работ Башкирской экспедиции я все более убеждался в неотложности и актуальности тех заданий, которые она на себя принимала. Мне хотелось довести эти работы до конца... Вместе с тем я должен сознаться, что был плохим председателем. Я не мог отказаться от своих специальных работ... Я не был достаточно требовательным руководителем отрядов в точном выполнении сро-

ков предоставления научных отчетов. Должен, впрочем, оговориться, что полевые работы... выполнялись отрядами полностью, в соответствии с полученными заданиями. Происходили задержки только в обработке материалов, нередко по причинам объективного характера...

...За все время моей работы в АН я был уверен, что то дело, которое я делаю, – нужное и полезное... Единственное, что меня всегда угнетало – это невозможность посвящать этому делу столько времени, сколько оно от меня требовало. Помимо Академии... основная работа, как административная, так в значительной степени и научная, велась (мною) по Русскому музею и Университету... До последнего времени я бывал в Академии всего раза 3–4 в неделю, уделяя [ей]... всего полтора–два часа, правда, напряженной работы в посещение. Кроме того, я не мог отказаться от научной работы, на что у меня уходило вечера и ночи.

При всем том я вполне допускаю, что в моей работе могли быть ошибки, которые могли принести вред государству и за которые я, конечно, отвечаю» [2, с. 123–125; 15, л. 338–342].

Описание лагерной эпопеи С.И. Руденко заслуживает отдельного рассказа. Его никак не уместить в рамки данной статьи. Остановлюсь лишь на ряде моментов, касающихся в первую очередь сроков возвращения Руденко в Ленинград и в археологию.

Основательная научная подготовка ученого-естественника, которую имел С.И. Руденко, в конечном счете облегчила его участь. В северных лагерях он начал работать в области инженерной гидрологии и в результате пробыл там ровно три года вместо десяти. Первое письмо, написанное им жене из Майгубы, датировано 6 марта 1931 г. [14, л. 1]. А уже в марте 1934 г. было получено уведомление от Главного управления лагерей, что С.И. Руденко, «вследствие честной и ударной работы», досрочно освобожден.

«Мне передали соответствующий документ с красными литерами... – вспоминает С.И. Руденко. – Это означало, что мне разрешена прописка в любой ... точке Союза, в том числе в Ленинграде и Москве. Естественно, первой мыслью было немедленно ехать в Ленинград. С этой мыслью я пошел к бывшему заключенному, теперь вольнонаемному помощнику начальника Управления Корештейну. Он мне не посоветовал уезжать из лагерей: «Сейчас время неподходящее, и к нам нередко возвращаются обратно уже освободившиеся». Впоследствии я узнал, что Д.А. Золотарев, освободившийся ... ранее меня, снова попал в лагерь, но в другие, и там скончался от дизентерии. Корештейн предложил мне остаться вольнонаемным с назначением меня старшим инженером строительного отдела Беломоро-Балтийского комбината НКВД. 16 марта состоялось назначение...» [16, л. 49].

Однако возвращение в Ленинград в 1934 г. все-таки состоялось. Уже с осени этого года С.И. Руденко

был переведен туда на работу и стал помощником начальника отдела гидрологии и водного хозяйства Ленинградского Бюро ББК НКВД. Попав таким образом домой, он решил напомнить о себе коллегам-археологам.

Все эти годы, находясь в лагерях, С.И. Руденко был прекрасно осведомлен о том, что творилось в науке и в тех учреждениях, где он прежде работал. Знал он это, благодаря письмам и встречам с женой Ниной Михайловной, которая всю жизнь была ему самым верным и преданным другом и помощницей. Разумеется, лагерная переписка велась ими на эзоповом языке. О подробностях борьбы с «руденковщиной», о фактическом разгроме этнографического отдела в 1932–1933 гг. С.И. Руденко узнавал в основном не из писем, а при встречах. И его беспокоила судьба ценнейших алтайских коллекций, хранившихся в Русском музее.

«Последние новости из жизни я знаю... – писал он жене 27 февраля 1932 г. – Чем же кончился вопрос с отставкой лошадок и какая судьба ждет археологию и мои коллекции, в частности? Откроется Саяно-Алтайская выставка или нет, и останутся ли археологические коллекции или перейдут в Эрмитаж?...» [14, л. 31].

Работа в лагерной «шарашке» была для С.И. Руденко не настолько обременительной, чтобы он не нашел возможности хоть какое-то время уделять своим любимым занятиям. Нина Михайловна привозила ему из Ленинграда необходимые материалы и книги. Работоспособность и внутренняя собранность С.И. Руденко были феноменальными. Если вспомнить рабочий график Руденко в конце 1920-х гг., вспомнить его признание в том, что науке приходилось посвящать вечера и ночи, становится ясным: никакой Беломорканал не мог вымотать его до конца.

«На днях закончил работу над дневником Сибирской экспедиции, – читаем мы в письме Сергея Ивановича от 27 декабря 1933 г. – Теперь осталось только смонтировать его и можно будет передать тебе. Пусть вылеживается и приобретает особый вкус, который свойственен не только старому вину, но и старым манускриптам...» [14, л. 127 об.].

Таким образом, мысленно С.И. Руденко все эти годы не отрывался от археологии. А в 1934 г. у него, наконец, появилась возможность прийти в Эрмитаж, куда, действительно, оказались переданы его коллекции, в том числе материалы I Пазырыкского кургана.

«Работая в Бюро ББК, – вспоминает С.И. Руденко, – я зашел в Эрмитаж и просил [И.А.] Орбели предоставить возможность мне работать с вещами из алтайских раскопок... Орбели мне ответил: «Об этом переговорим», – и спросил, где я сейчас работаю? Мой ответ, что в Бюро ББК НКВД, на него, по-видимому,

не произвел благоприятного впечатления. Несмотря на многочисленные мои звонки по телефону в Эрмитаж с просьбой сообщить, когда Орбели сможет меня принять, был неизменный ответ, что он занят и принять меня не может. Тогда я решил прийти без предупреждения. Ожидал его прихода в проходе в приемной перед кабинетом директора. Орбели пришел и проследовал в свой кабинет, пройдя мимо... и не заметив меня. Я попросил секретаря доложить обо мне. Секретарь прошел к Орбели и сказал, что директор занят и принять меня не может. После этого, проходя на работу мимо Эрмитажа, я неоднократно встречался с И.А. Орбели, на мои приветствия он не отвечал. Итак, мы с ним перестали быть знакомыми. Коллекции, переданные в Эрмитаж, оказались... недоступными.

То же произошло с моим ближайшим коллегой П.П. Ефименко. Неоднократно встречался я с ним на Дворцовой площади, но он меня не узнавал...» [16, л. 52].

Безусловно, в середине 1930-х гг., когда еще свежа была память о «руденковщине», когда кругом с удвоенной силой продолжались аресты, неожиданное появление С.И. Руденко словно из другого мира вызывало у многих лишь растерянность и страх. Из этого человека только что сделали фетиш буржуазной науки, образец врага, с которым надо бороться. И вдруг он как ни в чем не бывало возникает из небытия! А потом еще захочет печататься, захочет оформиться на работу?! Нам сейчас нелегко осознать до конца, насколько все это было серьезно. Осуждать своих бывших друзей и знакомых имели полное право лишь сами Сергей Иванович и Нина Михайловна.

Система НКВД «отпустила» С.И. Руденко лишь в конце 1939 г. Тогда он уволился и из Бюро ББК, и с Соликамского гидроузла НКВД. Однако возможности вернуться к работе в археологии или этнографии не было, и С.И. Руденко продолжал работать там, где имя его не казалось столь одиозным – в Государственном Гидрологическом институте. Великую Отечественную войну он встретил, будучи старшим научным сотрудником этого института. А в начале 1942 г. отказался от эвакуации в Свердловск и был откомандирован в Гидрометслужбу Ленинградского фронта – заниматься прогнозами ледового режима на трассе Ладожского озера [19, л. 97].

Той же зимой его приняли на работу в ИИМК АН СССР. Приказ о зачислении С.И. Руденко в штат датирован 18 февраля 1942 г. [19, л. 3–5]. Подписал его в блокадном Ленинграде полумертвый от голода С.Н. Бибииков, замещавший в тот момент директора института. Видимо, требовалась именно такая, в полном смысле слова экстремальная ситуация, чтобы возвращение С.И. Руденко в археологию стало, наконец, возможным.

Библиографический список

1. Литература о биографии и научных исследованиях С.И. Руденко / сост. О.Г. Шмидт // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. – Барнаул, 2004.
2. Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. – Барнаул, 2004.
3. Шмидт, О.Г. Археологические исследования С.И. Руденко в Северной Евразии / О.Г. Шмидт : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2006.
4. Платонова, Н.И. К истории одной попытки «уточнения методов» в русской археологии (по материалам журнала «Человек» за 1928 год) / Н.И. Платонова // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. – СПб.; Псков, 1997. – Т. 2.
5. Руденко, С.И. Памяти Федора Кондратьевича Волкова (к пятидесятилетию со дня смерти) / С.И. Руденко // Археологические вести. – СПб., 2003. – №10.
6. Платонова, Н.И. Федор Кондратьевич Волков глазами ученика (к публикации очерка С.И. Руденко) / Н.И. Платонова // Археологические вести. – СПб., 2003. – №10.
7. Платонова, Н.И. «ДЕЛЮ» Сергея Ивановича Руденко. 1930–1957 / Н.И. Платонова // Невский археолого-историографический сборник. – СПб., 2004.
8. Письма С.И. Руденко к Н.М. Руденко. 1926 г. // ПФА РАН. – Ф. 1004. – Оп. 1. – №417.
9. Жорма. Арап в науке // Студенческая правда. – 1929. – №10–11.
10. Материалы (протоколы, докладные записки) о С.И. Руденко и его влиянии на экспозиционную деятельность музея. 1931–1932 // Архив РЭМ. – Ф. 2. – Оп. 1. – №362.
11. Худяков, М.[Г.]. Критическая проработка руденковщины / М. Худяков // СЭ. – 1931. – №1–2.
12. Бернштам, А.Н. Идеализм в этнографии. Руденко и руденковщина / А.Н. Бернштам // СГАИМК. – 1932. – №1–2.
13. Горбунова, Г.П. Об одной «научной» экспедиции / Г.П. Горбунова // Антропологический журнал. – 1932. – №1.
14. Письма С.И. Руденко к Н.М. Руденко. 1932 г. // ПФА РАН. – Ф. 1004. – Оп. 1. – №418.
15. Архивно-следственное дело // Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. – Прекращенный фонд. – №П-32333. – Д. 9. – Т. 5.
16. Руденко, С.И. Воспоминания о 1929–1941 гг. / С.И. Руденко // ПФА РАН. – Ф. 1004. – Оп. 1. – №577.
17. Тишкин, А.А. Годы репрессий в жизни С.И. Руденко / А.А. Тишкин, О.Г. Шмидт // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. – Барнаул, 2004.
18. Домбровский Ю.О. Факультет ненужных вещей / Ю.О. Домбровский. – М., 1989.
19. Личное дело Руденко С.И. // РА ИИМК РАН. – Ф. 35. – Оп. 5. – №262.